

Капелюш Федор Давидович

Экономика и религия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Давидович К.**
Экономика и религия / Капелюш Федор Давидович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
146 с.

ISBN 978-5-519-88093-0

ISBN 978-5-519-88093-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тем не менее было бы педантизмом искать для всех этих первобытных глупостей экономических причин».¹(Разрядка наша. Ф. К.)

За исключением отдельных мест у Маркса и Энгельса и некоторых работ Плеханова, Каутского и других, марксистская литература по конкретным вопросам о связи экономики и религии крайне скудна. В различных марксистских трудах имеются лишь разбросанные указания на эту тему. Зато за границей нет недостатка в теориях буржуазных авторов, защищающих ультра-идеалистическую, антимарксистскую точку зрения о происхождении экономики из идеологии, в частности из религии. Начиная от известного труда Фюстель де Куланжа, — Плеханов блестяще доказал, что он переворачивает действительность наизнанку, — и кончая новейшей теорией «сакрального» происхождения денег немецкого ученого Бернгарда Лаума, который пытается доказать происхождение денег, обмена, мерила стоимости и вообще «экономического мышления» из религии и культа. Даже деньги, творение дьявола, оказываются делом божьим. Отчасти Лаум имеет предшественников в Курциусе и его школе. Макс Вебер не останавливается перед парадоксом, что первые кредитные деньги возникли в области культа; аналогично рассуждал Георг Зиммель. И. Жоффруа-Сент-Илер и В. Вундт объясняли приручение животных, как производное от святости последних; Эд. Ган, отчасти также Шуртц и Вейле

¹ С другой стороны, Карл Каутский в своем «Происхождении христианства» (стр. 29) вне какой-либо связи с этими словами Энгельса и, очевидно, не имея их в виду — пишет: «Таким путем борьба социальных противоположностей в рамках христианской церкви превратилась, повидимому, в простую борьбу из-за толкования слов Иисуса. Поверхностные историки думают даже, что все крупные, часто столь кровавые, столкновения в христианском мире, совершавшиеся под флагом религии, являлись только борьбой из-за слов и представляют печальное свидетельство глупости человеческого рода. Но при всякой попытке объяснить какое-нибудь массовое явление глупостью участвовавших в нем людей, эта кажущаяся глупость доказывает только непонимание наблюдателя и критика, не умеющего войти в чуждую ему психологию и анализировать лежащие в основе ее материальные условия и движущие силы. В действительности же, при спорах различных христианских сект из-за различного значения слов Христа боролись обыкновенно очень реальные интересы». Разумеется, другое дело — открыть реальную экономическую подоплеку в спорах различных христианских сект, другое дело — найти ее в нелепых волшебств и «магии» на тех доисторических и первобытных ступенях, о которых говорит Энгельс. При всей путанице богословских споров ранних христианских сект, их социальная подоплека для нас виднее, мы гораздо лучше осведомлены о той эпохе, имеем подлинные источники. Предостережение Энгельса остается в полной силе для гадательных и произвольных толкований первобытных и древнейших верований и учреждений культа.

следуют по тому же пути. Ган доходит до курьезов в этом отношении и выводит чуть ли не все скотоводство и земледелие из сходства рогов коровы с рогами луны, первый плуг — из ритуальной колесницы богини земли и т. п. Леман-Гаупт, Винклер и др. доказывают, что стоимость первых металлов взята была «с неба». Робертсон-Смит чуть ли не доказывает, что к поеданию животных толкал человека не голод, а стремление «приобщиться к божеству». Целый букет идеалистических теорий возник вокруг проблемы тотемизма и так называемой «теофагии» (поедания бога). Точно также высказывались взгляды, что первые каменные жилища были «жилища мертвых», гробницы. Наконец, даже капитализм, согласно геллертерских теорий, возник из духа пуританизма и протестантской религии. Генрих Дитцель уверяет даже, что свободная торговля развивалась только на почве религии.

Перед лицом этого идеологического винегрета можно считать своевременным освещение в нашей литературе конкретных фактов связи экономики и идеологии. Наша работа представляет скромную попытку в этом направлении. Она не претендует охватить всю проблему, а является только «опытом». Мы взяли для иллюстрации в качестве идеологии только религию, при чем преимущественно на ранних ступенях ее развития. Христианство, а также религиозная эволюция на заре капитализма, должно было остаться вне поля зрения этой работы; точно так же магометанство и буддизм. Центр тяжести книги — конкретный материал, поскольку возможно говорить о таковом для рассматриваемых эпох. Мы старались на этом конкретном материале иллюстрировать точку зрения Маркса и Энгельса о базисе и надстройках, считая, что эти последние не стали еще «старым языком».¹

Характер и размеры нашей работы не позволяли нам выходить за определенные рамки. Мы не проводили различия между религией и культом, между культом и мифом. Вне поля нашей работы должна была остаться «магия» или «до-логическое мышление» (Леви Брюль, Дюркгейм, Джемс Фрэзер). Самое понятие религии до сих пор встречает в литературе весьма различное толкование. В частности, спор ведется также о том, является ли первобытная магия уже религией. Что касается мифа и культа, то одни авторы считают, что «культ был раньше мифа», другие — что «миф был раньше культа». Даже само отграничение понятий религии, культа, мифа встречает трудности; здесь имеются различные толкования. Даже понятия природы и экономики вызывают еще споры:

¹ «Под знаменем марксизма», 1922 г., № 11 — 12, стр. 99.

огонь, как разрушительную стихию (вулканы), некоторые авторы считают природой, а огонь, как благотворную силу, — экономикой. Мы не считали возможным осложнять наше изложение этими проблемами. Лишь вскользь мы касаемся спорной проблемы о примате культа предков и анимизма или примате культа природы. В стороне должны были остаться также проблемы сверхчувственного, авторитаризма, антропоморфизма. Повторяем: мы ограничились более скромной задачей иллюстрировать на конкретном материале зависимость религиозной идеологии от материалистического базиса. Даже в этих суженных рамках пришлось ограничиться некоторыми примерами, мы остановились на экономике и религии огня, камня, металлов и пр. и не затронули экономики и религии воды, дерева и пр. Даже в таких конкретных областях, как культ (или миф) огня, остается еще много спорного: тогда как Н. Морозов строит свой замечательный труд в значительной мере на роли вулканов в происхождении религиозной идеологии, Г. Кунов столь же категорически отрицает роль вулканов и вообще «подавляющих явлений природы» в происхождении религии. Надеемся, что все перечисленные вольные и невольные пробелы в нашей работе сделают ее доступнее для чтения и сосредоточат внимание читателя на марксистской проблеме: базиса и надстроек.

Сознательно и преднамеренно мы говорим не столько о законченных, цельных религиозных системах, сколько об отдельных верованиях и даже поверьях. Эти последние надо считать гораздо более показательными для происхождения религии на базисе экономики; они теснее связаны с землей, тогда как законченные религиозные системы представляют собою уже абстракцию, позднейший, сложный комплекс, в окончательной выработке которого в значительной мере участвует также самостоятельное развитие самой надстройки. В этом отношении то, что богословская и буржуазная наука (включая Вольтера и Руссо) презрительно называет «суеверием», часто показательнее, чем «вера», дает нам возможность яснее и глубже взглянуть в самый механизм образования религиозной надстройки. Иезуит Жозеф де Местр откровенно и последовательно называет суеверие *un oultrage avancé de la religion* — развитым делом религии; для нас — эти верования, напротив, ближе к корню и источнику религии. Отчасти разработанные нами темы совпадают с тем, что в последнее время буржуазная наука пренебрежительно окрестила «технической мифологией».

Мы не останавливались также на гносеологической стороне вопроса: не только на понятиях взаимодействия и фактора, но также на «возражениях» Масарыка, что у Маркса идеология фигурирует то как надстройка, то как

отражение (у Масарыка: симптом и индекс) производственных отношений, то как формы сознания.¹

Повторяем, мы видим центр тяжести книги в ее конкретном материале. При всех вышеперечисленных ограничениях и неизбежных пробелах в книге, мы надеемся, что этот материал представит известный интерес.

Надеемся, что в освещении материала нам удалось избежать того педантизма, о котором говорил Энгельс в вышеприведенной цитате, — педантизма в смысле чрезмерного перегибания палки в сторону марксистского объяснения.

¹ «Философские и социологические основы марксизма», стр. 94, (нем. изд.).

1. ЭКОНОМИКА И РЕЛИГИЯ ОГНЯ.

Открытие и применение огня было одной из первейших и важнейших революций в экономике первобытного человека. Столь же важно было открытие способов поддерживать огонь, полученный сначала стихийным путем, примерно от зажженного молнией дерева. Наконец, как третья ступень в этом ряду, стоит открытие способов искусственного добывания огня; в искусстве добывания огня путем трения двух кусков дерева первобытный человек достиг большого мастерства; путешественники сообщают, что у некоторых племен Африки добывание огня таким путем длится всего несколько секунд.

«В истории развития человечества, — говорит Кунов - Дорш, — применение огня к приготовлению пищи и последовавшее затем искусственное добывание огня были двумя могущественными двигателями прогресса. Только благодаря им, первобытный человек мог вырваться из условий быта животного и нащупать почву для дальнейшего культурного развития. Прежде он, подобно современным человекоподобным обезьянам, всецело зависел от определенного климата и готовых даров природы — плодов и луковиц, а теперь, благодаря применению огня для защиты от холода и для изготовления пищи, он получил возможность независимо от климата и условий местности, следуя лишь вдоль рек и морских берегов, расселяться по таким областям земного шара, которые ранее были для него совершенно необитаемы; одновременно с этим облегчилось кормление детей, ребенок не должен был питаться одним лишь материнским молоком и разжеванными клубнями. Если признать колыбелью человечества жаркие страны и принять во внимание, что уже в весьма отдаленные времена оно распространилось вплоть до стран с суровым климатом, то ясно, что только овладение огнем могло сделать возможным это расселение. Огонь был также чрезвычайно ценным помощником человека в его технических достижениях, они немислимы без огня. Вокруг согревающего пламени впервые собрался род. Здесь впервые стали закрепляться социальные отношения, здесь усилилось то чувство единения,

которое связывает людей. Под защитой кровли, воздвигнутой первобытным человеком над костром, чувство это впервые приобрело прочность и благородную форму. Возле огня и очага кроется зародыш дома, семьи, и он остался их символом до сих пор».¹

Мы можем отбросить здесь несколько сомнительные для марксиста места о «благородной» форме и «чувстве» единения; сомнительно также место о «зародыше дома, семьи»,² правдоподобнее для того времени, что «вокруг согревающего пламени впервые собрался род». Дорш верно отмечает громадное значение огня для возникновения человеческого общества.

В том же смысле пишет А. Богданов: «Первоначально (в этом мнения сходятся) человек не умел сам добывать огонь, а только поддерживал и переносил его с собою, пользуясь случаями, когда природа давала его готовым: молния, лесные пожары, вулканические явления. Впрочем, и позже первые способы добывания огня так трудны, что прибегать часто к этой операции невозможно, и поддержание огня сохраняет огромное значение. Только огонь мог дать человеку защиту от хищников-гигантов и стайных хищников, как, разумеется, и защиту от зимнего холода ледниковых периодов. Первоначально потеря огня означала гибель всего маленького коллектива, который вокруг него группировался. Уже тут отчетливо выступает непреложная необходимость тесного трудового сплочения группы, невозможность широко бродить поодиночке или надолго разбредаться маленькими группочками, как это безопасно могут делать, например, нынешние австралийцы. Огонь — первичное орудие, выделившее человека из природы, — в своем первоначальном (первобытном) применении этого не допускает. Только коллектив достаточных размеров способен надежно и непрерывно поддерживать огонь при невозможности его возобновить в случае угасания; только коллектив может успешно его использовать для защиты от грозных чудовищ и от долгого зимнего холода. И если кровная связь была биологической основой коллектива, то огонь был его технической спайкой».³ (Разрядка наша. Ф. К.)

В настоящее время применение огня известно всем существующим первобытным племенам. По крайней мере, все те случаи, в которых

¹ Генрих Кунов. «Техника доисторической эпохи».

² Впрочем, по новым исследованиям (Вестермарк, Дюркгейм), приобретает некоторую вероятность также существование первоначальной парной семьи.

³ А. Богданов. «К постановке проблем теории исторического материализма». «Вестник Социалистической Академии», 1923 г., февраль.

путешественники сообщают о противном, оказались либо недоразумениями, либо ошибками. Это определенно установлено Элизе Реклю и др.

Громадное значение открытия и применения огня в первобытной экономике не подлежит сомнению. Теперь посмотрим, как отразилось это значение огня на религиозных верованиях первобытного и древнего человека, какая идеологическая надстройка создалась над этим экономическим базисом.

В той или иной форме открытие огня фигурирует в религиях и верованиях почти всех племен и народов. У жителей Австралии и у племен Бразилии или Северной Америки—всюду мы наталкиваемся на предания, имеющие своим предметом открытие или происхождение огня на земле. То же самое мы находим и в древнем мире.

На островах Тонга туземцы поклоняются богу землетрясений, он же бог огня. По верованиям новозеландского племени маори, предок их, великий Мауи спустился в преисподнюю и принес оттуда тайну добывания огня от трения двух кусков дерева; по другой версии, он узнал эту тайну от своей слепой прабабки Мауйка. Туземцы Western-Point в Австралии рассказывают, что добрый старик Пенджил открыл двери солнца, и свет снизошел на землю, а Каракорок, добрая дочь доброго человека, увидев, что земля полна змей, стала истреблять их; при этом сломалась ее дубинка, и от этого произошел огонь. Здесь, как и во многих других первобытных космогониях (верованиях и учениях о происхождении мира), истребитель змея есть в то же время первый податель света и огня. В древне-персидском священном эпосе (повествованиях) огонь тоже открыт борцом со змеем. Герой бросил в чудовище-дракона гигантский камень, но камень был отражен драконом, упал на скалу и разбился; «тогда свет показался из темной скалы, сердце ее засияло, и впервые люди увидели огонь на земле». Чудовище убежало, но тайна огня была у него вырвана. Индейцы Северной Америки рассказывают, что великий буйвол бежит ночью по прерии, и от ударов его копыт по камням вылетают искры и зажигается прерия. По мифологии древних индусов, гром и молния тоже происходят от ударов солнечных коней о твердую мостовую неба. Племя дакота в Африке верит, что его предок получил огонь из искр, которые добрая пантера произвела своими когтями, карабкаясь на скалу. Заметьте: у одних буйвол, у других лошадь, у третьих пантера или змеи; в этих верованиях отражается характер местности и ее быт.

Далее, Гуаманзури, предок перуанцев, произвел огонь и молнию ударом своей палицы о камень. Мексиканский бог Квотцелькоатль, давший людям огонь, изображался в виде кремневого камня. Укке, герой финской былины Калевала, ударом меча о свой ноготь произвел огонь и дал

его на хранение дочери ветра, но она уронила его в море (вероятно, здесь предание построено на том, что ветер раздувает, поддерживает пламя, а вода гасит его), где его поглотила большая щука: огонь был бы навсегда потерян, но дочь солнца поймала щуку, вынула ее внутренности и нашла в них еще тлеющую искру небесного огня. У индусов Агни Буранию представляется в виде птицы, несущей с неба человеку огонь.¹ Бог лапландцев рождает огонь ударом молота о свою собственную голову. Скандинавский бог Тор держит в одной руке молот, в другой камень. Но всего красивее легенда древних греков о Прометее, похитившем у неба огонь и давшем его людям; в наказание он прикован к скале, и орел беспрестанно клюет его печень. Что касается славян, то в божестве Перуне следует видеть не только бога грома и молнии, но и бога огня. В Тамбовской губернии по сию пору держится верование, что во время грозы летают огненные змеи-дьяволы и стараются укрыться от метких стрел Ильи-громовника (языческий бог Перун заменен пророком Ильей); если стрела настигнет такого змея близ стога сена или дома, они загораются от брызг змеиной крови.

Замечательно, что в верованиях различных народов небесный огонь (молния и солнце) произошел путем трения, наподобие того, как добывают люди огонь на земле. Мы уже видели выше примеры того, как небесный огонь (у древних персов, перуанцев, лапландцев и др.) происходит от удара камня и т. д. По другим верованиям, небесный огонь зажигается от трения. Примеры таких верований собраны в книге немецкого ученого Адальберта Кюна, одного из основателей науки сравнительной мифологии, крупного санскритолога (знатока древне-индийского языка, санскрита): «Происхождение огня и напитков богов» (на нем. яз., 1859 г.). Добывание огня посредством трения двух кусков дерева стало в Индии религиозной церемонией, подробно описанной в ведических Сутрах, древних священных книгах индусов.² Кун подчеркивает, что изображение древнего человека поражало сходство между трением огнедобы-

¹ Санскритскому *Агни* (бог огня) соответствует *Угни* — древне-славянский бог огня и наше слово *огонь*, а также латинское *ignis* — огонь. Укажем также на богов огня в Ассирии (Гилгамеш), в Персии (Атар, сын Ормузда), в Финикии (Флокс), у древних германцев (Локки).

² «Поэты Вед, — говорит также проф. Макс Мюллер в своей «Истории древне-санскритской литературы», — описывают мощь огня с детским ужасом, как таинственное чудо. Происхождение его от трения дерева или нисхождение его с неба в виде молнии кажется им столь же непостижимым, как рождение человека. Они чувствуют всю свою зависимость от огня, потому что знают, как тяжело быть лишенным его. Они описывают простые явления огня с чувством религиозного страха».

вающего сверла и трением половых органов в процессе зачатия. Об этом говорят Риг-Веды (священные книги индусов) в гимнах о праманта и арани. «Вот праманта, — говорится в них, — родитель готов; приведите госпожу расы. Произведем Агни (бога огня) путем трения, согласно древнему обычаю. Агни спрятан в арани, как плод в матке». Праманта и арани — не что иное, как мужской и женский половые органы.¹ В других местах Риг-Веды еще более детально описывают это происхождение огня, его буквальное рождение от трения.

В мифологии древних греков молния тоже происходит от трения. Аристотель полагает, что молния происходит от взаимного трения туч. Плутарх сообщает, что, по толкованию стоиков, гром есть сражение туч, а молния — акт их совокупления, трения. Точно так же и солнце зажигается, по верованиям индусов, каждое утро от вращения божествами сумерок, асвинами, праманта в золотой арани; иногда вместо последнего фигурирует также колесо. Замечательно, что подобный миф встречается также у древних финнов, хотя они не принадлежат к индо-европейской

¹ Разумеется, миф о праманта не приходится толковать, как аллегория; он понимался вначале совершенно реально. Тем более не выдерживает критики толкование Мальвера, который находит «поразительное сходство» между этим мифом и христианским «таинством троицы». «Книги Вед, — говорит он («Наука и религия», стр. 12), — представляют это таинство (солнца, огня и воздуха) под видом аллегории, Агни (огонь) есть воплотившийся сын небесного отца — солнца. Он был зачат в углублении двух палочек свастики, называемой матерью, где пребывает божественная Майя, олицетворение производительной силы, зачат под влиянием Вайу (дух, дуновение воздуха, без которого не может быть зажжен огонь)». Ясно, что вначале в этом мифе нет ни «воплощения», ни «олицетворения», что огнедобывающее сверло свастики не только называется матерью. «Первая искра, вспыхивающая в углублении, где пребывает божественная Майя, олицетворяет рождение; эта живая искра называется младенцем». Ясно, что это толкование так же несостоятельно, как отождествление с «таинством троицы». Мальвер берет здесь поздние, идеологические наслоения христиан и приписывает их первобытному изобретателю добывания и применения огня. Это подсовывание первобытной религии и культу разумной и полезной цели сохранения изобретений не ново; аналогичную теорию развивал еще в древнем мире Диодор Сицилийский. Но в наше время наивно приписывать возникновение религиозных верований и культа этой целеустремленности. «Цель этого мифа, — говорит Мальвер, — заключалась в том, чтобы при помощи культа огня увековечить способ его добывания, очевидно, не раз забывавшийся». «Таким образом, и другие самые ценные открытия, например, возделывание хлеба, сделались с самого начала предметом особых култов». Точно так же Диодор полагал, что древнейшие законодатели умышленно приписывали себе божественное происхождение, чтобы придать больше авторитета своим мерам в глазах народа. Отчасти сюда же следует отнести учение другого знаменитого грека, Эвгемера. Он считает, что боги были выдающимися людьми, нашими предками, облагодетельствовавшими человечество своими изобретениями.

семье народов; у них солнце зажигается божеством Пану, который вращает праманта в огненной ступе, при чем здесь праманта выступает уже как инструмент, которым бьют масло из молока. «Пану, — говорится в этом мифе, — работает ступкой в огненной маслобойке, заставляя вылетать искры. О, Пану, сын солнца, дитя лучезарного дня, произведи огонь, заставь его подняться до неба... и т. д.». Подчеркиваем чисто производственный характер этих верований. Чукотские идолы-божки являются поныне не чем иным, как аппаратом для добывания огня путем трения. (Этим сообщением мы обязаны Г. В. Цыперовичу.)

«Праманта» древних арийцев продолжает жить в наши дни в религиозных пережитках самых культурных народов. Новейшая наука считает доказанным, что знак креста, играющий еще поныне такую роль у темных христианских масс, возник вовсе не из того креста, на котором будто бы распяли мифического Христа, а происходит от гораздо более древнего знака, креста с закрючинами, т. н. свастики, в которой ученые видят не что иное, как первобытное деревянное огнедобывающее сверло. Христианский крест, это та же свастика, тот же праманта, стержень для добывания огня. Крайне интересный материал на эту тему собран у А. Мальвера:¹ «Открытие способа добывания огня, — говорит Мальвер, — вызвало такое удивление, что применявшийся при этом инструмент, состоявший первоначально из двух перекрещивающихся палочек, стал считаться священным». Это изображение креста встречается еще на доисторических памятниках.

Распятие, т. е. крест с прибитым к нему телом, появляется не раньше VIII века нашей эры. Мальвер ставит вопрос, не следует ли видеть в распятии пережиток еврейской символики жертвоприношения агнца (это действие называлось у вавилонян распятием, при чем первоначально это слово означало жарить, жечь мясо) и указывает на отождествление у Иоанна агнца с божественным огнем и т. д. А. Дреус («Миф о Христе») тоже говорит о «крещении огнем». В Иерусалиме греческие монахи в «великую субботу» совершают чудо низведения божественного огня с неба на землю; у древних христиан был обычай зажигать в эту субботу огонь путем трения двух кусков дерева и благословлять им пасхальные свечи, кадила и пр. В римских церквах церемония воскре-

¹ Мальвер приводит богатый материал как о распространении изображения креста, так и о постепенном развитии легенды о распятии Христа на кресте. Так например, изображение креста-свастики встречается в свайных постройках в Европе, в таблицах китайского императора Фу-Хи, царствовавшего за 2950 лет до нашей эры, в Ассирии, Египте, Мексике и т. д. Кук нашел кресты на могилах туземцев в Новой Зеландии; в Корее кресты ставят на полях для удаления злых духов. В Африке знак креста-свастики тоже почитался наравне с изображением солнца.